

Коновалов Кирилл Андреевич

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТОРГОВЫХ МЕСТ В КИТАЙ-ГОРОДЕ XVII В.

В статье рассматривается участие в торговой деятельности различных слоев населения Москвы XVII в. Автор приходит к выводу об изменении социального состава торгующих на протяжении исследуемого периода. Статья представляет интерес как для историков-экономистов, так и для специалистов по истории Москвы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 90-93. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).047

В статье рассматривается участие в торговой деятельности различных слоев населения Москвы XVII в. Автор приходит к выводу об изменении социального состава торгующих на протяжении исследуемого периода. Статья представляет интерес как для историков-экономистов, так и для специалистов по истории Москвы.

Ключевые слова и фразы: рынок; торговые места; торговый оборот; доходность; социальная группа.

Кирилл Андреевич Коновалов

Кафедра истории России

Московский педагогический государственный университет

bookworm@bk.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТОРГОВЫХ МЕСТ В КИТАЙ-ГОРОДЕ XVII В.®

На протяжении всего XVII в. Москва являлась крупнейшим экономическим центром России, основным связующим звеном внутренней торговли. Практически все население столицы в большей или меньшей степени было вовлечено в торговые операции. Степень участия различных социальных слоев в экономической жизни города по-разному оценивалась исследователями. Так, в дореволюционной историографии считалось, что в руках посадских людей, а также гостей и членов купеческих сотен находилось лишь немногим более половины торгового оборота. Остальное приходилось на долю служилых людей (прежде всего, стрельцов), духовенства и лиц с неустановленным социальным статусом [1, с. 30-31]. При этом констатировалось, что торговый оборот большинства посадских людей был незначителен и основной объем торговли был сосредоточен в руках небольшой группы лиц – купечества и верхушки посада [Там же, с. 67]. В историографии 1940-50-х гг. многие выводы были пересмотрены. Советские исследователи утверждали, что, несмотря на внушительные объемы операций отдельных гостей, большая часть торгового оборота все же приходилась на долю посадского населения [10, с. 58], причем гости специализировались на оптовой торговле, а посад – на розничной [3, с. 436-441]. Предпринимались также попытки подсчитать количество торговых мест, принадлежавших иным социальным группам, но сделать это удалось лишь для отдельных рядов [9, с. 77]. С 1970-х гг. и до настоящего времени данная проблематика практически не затрагивалась исследователями. Поэтому изучение экономической жизни Москвы XVII в. сохраняет свою актуальность. Целью данной работы является определение процентного соотношения различных социальных групп на московском рынке (как по количеству торговых мест, так и по объему получаемого от них дохода), рассмотрение его изменений на протяжении XVII в. и выявление их движущих сил. Исследование ограничено территорией Китай-города, так как именно в этом районе Москвы была сосредоточена большая часть торговых площадей. Источниковую базу исследования составляют стрелецкие, переписные и доимочные книги Китай-города, а также делопроизводство городской администрации. Некоторые из этих источников впервые вводятся в научный оборот.

Одним из основных источников, позволяющих определить социальный состав владельцев торговых мест в Китай-городе, является «Книга об устройстве торговых рядов». Данная книга охватывает лишь ряды, перестроенные после пожара 3 мая 1626 г. Однако, поскольку от этого пожара пострадала вся территория Китай-города, данный источник представляется репрезентативным. В книге описан 51 торговый ряд, Гостиный двор, состоявший из лавок и погребов, а также несколько категорий мелких торговых мест (скамьи, шалаши, сусяные кувшины, квасные кади и бочки) [5, д. 18, л. 1-189]. Подсчет позволяет определить, что 75% торговых помещений, упомянутых в книге, принадлежало московскому посаду. На долю гостей и членов купеческих сотен приходилось в общей сложности только 7% торговых мест. Немногим меньше – 6% – принадлежало служилым людям «по прибору» – стрельцам, пушкарям и т.д. Патриаршим крестьянам принадлежало 3% торговых мест, монастырям и зависимым от них лицам – 2%, приказным служащим – 1,5%. Каждой из других категорий торговцев – иногородним посадским людям, государственным крестьянам, дворцовым слугам, казенным ремесленникам, лично зависимым людям, духовенству, дворянству и иноземцам – принадлежало менее одного процента торговых помещений. Однако данные цифры не дают полной картины экономической активности различных социальных групп, так как для ее оценки необходимо учесть сравнительную доходность торговых мест. Первым определил ее М. В. Довнар-Запольский. Согласно подсчетам исследователя, погреб приносил доход, в 16 раз больший, чем лавка, а скамья, шалаш и другие мелкие торговые места – в два раза меньший, чем лавка [1, с. 30-31]. Лавка, таким образом, выступает в качестве условной единицы доходности. На этом основании можно установить, что на долю московского посада приходилось 52% объема торговых операций. Купеческие корпорации контролировали 23% торгового оборота. На третьем месте по экономической активности стояли монастыри; на их долю приходилось 6% оборота. Патриаршими крестьянами осуществлялось 4% торговых операций, государственными крестьянами и служилыми людьми «по прибору» – по 3%. Дворянство контролировало 2% оборота, дворцовые слуги и торговые иноземцы – по 1,5%, каждая из других групп – менее одного процента.

Таким образом, в первой трети XVII в. три четверти торговых операций, производившихся в рядах Китай-города, осуществлялось представителями торгово-ремесленных слоев населения, постоянно проживавшими в Москве. Сравнительно небольшой, хотя и заметный сектор рынка занимали монастыри, представлявшие собой крупные экономические центры, а также государственные и патриаршие крестьяне, сбывавшие в городе свою продукцию. Иногородние посадские люди в это время еще могли самостоятельно торговать в Москве и иметь там лавки (позднее подобное станет невозможным, так как приезжие торговые люди будут обязаны сбывать свои товары московским на Гостином дворе [10, с. 64-69]), но, очевидно, не составляли заметной конкуренции своим московским собратьям в силу больших транспортных издержек. Что же касается лично зависимых людей, то они в это время еще были ориентированы на обслуживание вотчинного хозяйства и не могли развернуть активной торговой деятельности.

Из числа социальных групп, для которых ремесло и торговля не являлись основным родом деятельности, наибольшая доля на рынке принадлежала служилым людям «по прибору», в основном стрельцам. Их торговые места, хотя и отличались большой дробностью, тем не менее давали заметную прибавку к небольшому и нерегулярному жалованию. Из дворян связь с торговым миром сохраняли, очевидно, только выходцы из купеческих семей. Таким, например, был думный дьяк Г. Облезов, два брата которого были купцами Гостиной сотни. Объем торгового оборота таких «служилых купцов» мог быть весьма значительным. В целом же экономическая активность не посадского населения в этот период была невелика, а подавляющая часть торговых операций осуществлялась профессиональными торговыми людьми из числа купцов и посадских людей.

«Книга об устройстве торговых рядов» зафиксировала ситуацию, сложившуюся в ходе восстановления Москвы после польско-литовской интервенции. Проследить тенденции дальнейшего развития торговли в Китай-городе позволяет доклад объезжего головы этого района Москвы князя Ф. А. Македонского. Македонский писал царю Алексею Михайловичу: «А во 162 году (1654 г. – К. К.) многие ряды запустили... а в которых рядах торговые люди сидели, и те торговые люди обедняли и, покинув в рядах лавки свои пусты, из рядов вышли затем, что торговый их промысел у них отняли стрельцы и пушкари, и боярские люди и крестьяня всяких чинов, и гулящие люди» [8, д. 384, л. 333]. В данном отрывке отражено возрастание торговой активности не посадских слоев населения, в первую очередь служилых людей «по прибору» и лично зависимых людей, конкуренции с которыми посад не выдерживал. Это, впрочем, неудивительно, так как не посадское население не отбывало тягла, включавшего все новые обременительные обязанности по мере развития государственного аппарата, и было более свободно в своей торговой деятельности. Вероятно, неслучайно отмечено увеличение незначительной ранее доли «боярских людей и крестьян»; Македонский писал свой доклад вскоре после «посадского строения» 1648-1649 гг., возвратившего в московский посад закладчиков – выходцев из посада, по тем или иным причинам попавших в зависимость от «сильных людей». Разумеется, дворянство стремилось компенсировать свои экономические потери и стало поощрять торговую активность своих слуг и крестьян, в которой раньше не было заинтересовано. Интересно, что в резолюции царя на доклад объезжего указано, что ряды запустили «от морового поветрия». Вероятно, эпидемия действительно сыграла свою роль, но едва ли она была определяющим фактором, так как трудно предположить, что торговые люди пострадали от нее больше, чем стрельцы и боярские слуги. К тому же Македонский, знавший положение дел из первых рук, о поветрии ничего не говорит, зато прямо указывает, что «торговый промысел» у посадских людей «отняли», то есть вытеснили их с рынка в конкурентной борьбе. Правительство при этом фактически самоустранилось от разрешения ситуации, постановив отдать запустевшие лавки «охочим людям», то есть всем желающим, «а покамест те лавки из оброку возьмут», оставить все по-прежнему [Там же, л. 336]. Пассивная политика правительства, заинтересованного только в поступлении в казну оброка с лавок, объективно способствовала вытеснению посада с рынка служилыми «по прибору» и особенно зависимыми людьми, пользовавшимися покровительством своих патронов.

Несмотря на общую тенденцию к сокращению доли посадских людей на рынке, некоторые представители верхушки посада смогли сохранить свои позиции и по объему торгового оборота практически не уступали привилегированным купцам. Например, в 1675 г. тяглецу дворцовой Кадашевской слободы Абрамке Федорову принадлежали два квасных места, два погреба, «очаг» (по всей видимости, там варился квас), амбар и три «нижних палаты» (очевидно, некий аналог погребов) на Новом Гостином дворе, а также «квасное место» в Семенном ряду. В качестве оброка за все эти помещения Абрамка платил огромную по тем временам сумму в 115 рублей 25 алтын [7, д. 493, л. 274]! Тяглецам Казенной слободы Пашке Степанову «с товарищи» (к сожалению, источник не указывает, сколько было этих «товарищей») принадлежали «харчевни и пирожни» также на Новом Гостином дворе, с которых они платили 227 рублей 23 алтына 4 деньги (!) оброка [Там же, л. 275]. Примером среднего торгового оборота может служить кадашевец Ларка Иванов. В 1687 г. в двух его лавках в Ветошном ряду хранились товары – хрустальная посуда и «погребцы» (сундуки) – на общую сумму в 135 рублей [8, д. 1053, л. 114-115]. Посадские люди сохранили первенство в торговле товарами, для производства которых нужны были специальные навыки и оборудование. Это следует, в частности, из списка торговых людей Ветошного ряда, привлеченных в качестве свидетелей по уголовному делу в 1670 г. (в Ветошном ряду торговали тонкими тканями, а не поношенной одеждой, как обычно думают [4, с. 89]). Среди них было пятеро посадских людей, четверо стрельцов и один придворный слуга [8, д. 1053, л. 230-232].

Основным источником по истории московской торговли конца XVII в. является «Доимочная книга Земского приказа» 1701 г. Как и «Книга об устройстве торговых рядов» 1626 г., данный источник неполон: он охватывает только те торговые места, с которых надлежало взыскать недоимки по налогам за пять

предыдущих лет. В книге перечислены 29 рядов, а также мелкие торговые места [2, ст. 1163-1188]. Известно, что в 1695 г. в Китай-городе насчитывалось 72 ряда [6, д. 966, л. 40]; следовательно, «Доимочная книга» охватывает лишь около трети всех рядов. К тому же некоторые ряды охвачены переписью не в полном объеме. Учитывая это, показаниями данного источника необходимо оперировать с известной осторожностью.

Подсчет показывает, что 61% торговых мест, перечисленных в «Доимочной книге», принадлежал московскому посаду. Второе место делили купеческие корпорации и служилые люди «по прибору» – на долю каждой из этих групп приходилось по 13% торговых мест. На третье место выдвинулись дворцовые слуги (2,6%), оттеснившие патриарших крестьян (2%). За этими группами торгующих шли казенные ремесленники, которым принадлежало 1,3% торговых мест. На долю каждой из остальных категорий приходилось менее 1%. Применявшаяся выше методика оценки экономической активности показывает, что посадские люди в конце XVII в. контролировали 55% торгового оборота, члены купеческих корпораций – 20%. На долю служилых людей «по прибору» приходилось 6% торговых операций. Столько же производилось иноземцами, впервые с начала столетия вошедшими в число лидеров московской торговли. Еще одной группой, заметно повысившей свое участие в экономической жизни Китай-города, стало дворянство, контролировавшее 3% торгового оборота. На долю монастырей и патриарших крестьян приходилось по 2% оборота, остальных социальных групп – от 1,6% до 1%.

Необходимо, впрочем, учитывать, что «Доимочная книга» может не охватывать все категории торгующих в равной пропорции. Так, крупные купцы или дворяне имели больше возможностей, чем посадские люди или стрельцы, вовремя уплатить все сборы и не попасть в число должников, а значит, и в поле зрения составителей книги. Поэтому приведенные выше цифры могут быть скорректированы в сторону увеличения доли привилегированных социальных групп. Тем не менее на их основе можно выделить некоторые общие тенденции. В последней трети XVII в. посадские люди вернули себе лидирующие позиции на московском рынке, утраченные ими в середине столетия. Несмотря на заметное сокращение количества торговых мест, принадлежавших посаду, доля данной категории населения в торговом обороте даже несколько возросла по сравнению с первой третью XVII в. Напротив, среди членов купеческих корпораций имела место обратная тенденция: уменьшение объемов торгового оборота при одновременном его «распылении». Это свидетельствует о размывании грани между посадом и купечеством: богатевшая посадская верхушка концентрировала в своих руках все больший капитал, между тем как обедневшие купцы вынуждены были уделять все большее внимание мелкой торговле. Устойчивое третье место принадлежало служилым людям «по прибору», прежде всего стрельцам. Доля данной категории населения в торговом обороте по сравнению с первой третью XVII в. возросла вдвое, несмотря на то, что петровские репрессии против стрельцов не могли не подорвать их позиций, в том числе и в экономической жизни Москвы. Налицо развитие тенденции, зародившейся в середине века и отмеченной в докладе Ф. А. Македонского. В рамки данной тенденции вполне укладывается и повышение доли служилых людей «по отечеству» в торговом обороте с 2% до 3%. Очевидно, к концу XVII в. дворянство, стремившееся к увеличению своих доходов, перешло от поддержки экономической активности своих слуг к самостоятельной торговой деятельности и стало играть более заметную роль на московском рынке.

Однако если тенденция к увеличению экономической активности служилых людей продолжала действовать, каким образом посадским людям удалось сохранить свои позиции на московском рынке? Представляется, что этому способствовало сокращение торгового оборота монастырей и патриаршего хозяйства, а также государственных крестьян. Доля двух последних групп в торговых операциях по сравнению с первой третью XVII в. сократилась в два раза, а монастырей – даже в три раза. По всей видимости, это объясняется такими преобразованиями Петра I, как упразднение патриаршества и восстановление Монастырского приказа, а также другими мерами, направленными на ослабление хозяйственной самостоятельности Церкви. Снижение торговой активности крестьянства может быть объяснено ухудшением его положения в связи с началом Северной войны. Образовавшаяся ниша на московском рынке была занята посадскими людьми, так как сектор, который могли контролировать служилые люди, все же был ограничен. В отношении дворянства это обуславливалось ограниченностью экономического потенциала поместно-вотчинного хозяйства, из которого данное сословие черпало средства для торговых операций. Что же касается стрельцов и других служилых людей «по прибору», то их доля на столичном рынке, по всей видимости, достигла своего максимума в 1650-х гг., но к концу века резко сократилась, поскольку большая часть стрелецкого корпуса была уничтожена при подавлении бунта. Увеличение доли иностранного купечества на московском рынке, разумеется, объясняется покровительством самого прозападного из российских государей. Однако из-за больших транспортных издержек сектор рынка, занятый иноземцами, также не мог увеличиваться бесконечно. Поэтому российские купеческие корпорации сохранили первенствующее положение.

Из вышеизложенного следует, что представительство различных социальных групп на московском рынке не было постоянным. Состав московских торговцев в течение XVII в. подвергался существенным изменениям. Их причины коренились не только в экономическом развитии России, но и в протекавших в стране социально-политических процессах. Изменение положения тех или иных социальных групп, расширение или, напротив, ограничение их прав во многом определяли их роль в экономической жизни, так как влияли на степень заинтересованности данных групп в выходе на рынок, а также на их возможность отстаивать свои права в конкурентной борьбе. Конкуренция между различными социальными группами на рынке никогда не прекращалась, и в этой борьбе они нередко оказывали давление на правительство, инициируя изменения социально-политической ситуации (в частности, «посадское строение» явилось следствием

московского восстания 1648 г.), хотя последствия этих изменений не всегда соответствовали ожидаемому. Само правительство зачастую занимало пассивную позицию, преследующую исключительно фискальные цели, и только с началом петровских преобразований начало активно вмешиваться в экономику, поддерживая интересы тех или иных категорий торговцев. Необходимо, впрочем, отметить, что естественное преимущество в конкурентной борьбе было на стороне тех социальных групп, для которых торговля являлась основным занятием – посада и купечества. Поэтому, несмотря на значительный ущерб, нанесенный экономическому положению посада во второй трети XVII в., посадские люди быстро восстановили свои позиции, как только пошатнулось положение их конкурентов – стрельцов и монастырских хозяйств.

Список литературы

1. **Довнар-Запольский М. В.** Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. Вып. 6. С. 5-60.
2. **Забелин И. Е.** Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2.
3. **История Москвы:** в 6-ти т. М.: Политиздат, 1952. Т. 1. 778 с.
4. **Муравьев В. Б.** Улочки-шкатулочки, московские дворы: возвращенные названия. М.: Эксмо, 1997. 270 с.
5. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 210. Московский стол.
6. **РГАДА.** Ф. 210. Оп. 21.
7. **РГАДА.** Ф. 210. Столбцы Московского стола.
8. **РГАДА.** Ф. 210. Столбцы Приказного стола.
9. **Снегирев И. М.** Московские слободы. М.: Наука, 1956. 238 с.
10. **Тверская Д. И.** Москва второй пол. XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М.: Наука, 1959. 124 с.

TRADING PLACES OWNERS' SOCIAL COMPOSITION IN KITAI-GOROD OF THE XVIITH CENTURY

Kirill Andreevich Kononov
Department of Russian History
Moscow State Pedagogical University
bookworm@bk.ru

The author considers the participation of various Moscow population strata in trading activity in the XVIIth century, comes to the conclusion about the changes in tradesmen's social composition during the period under consideration, and mentions that this article is of interest both to historians-economists and specialists on Moscow history.

Key words and phrases: market; trading places; trade turnover; profitability; social group.

УДК 1(091)

Статья актуализирует проблему антропологического зазора между сознательной формой и бессознательным содержанием, в создании которого на равных участвуют как трансцендентальная концепция Канта, так и учение Фрейда. Силовое поле антропологического зазора заряжает разность потенциалов трансцендентальной формы в качестве кантовского принципа автономии воли и содержания в качестве интересубъективного желания, тотально мотивирующего субъекта в психоанализе Фрейда.

Ключевые слова и фразы: Кант; Фрейд; субъект; желание; закон; имманентность; трансцендентность; удовольствие; баланс.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и социальных коммуникаций
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗАЗОРА
МЕЖДУ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ФОРМОЙ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ СОДЕРЖАНИЕМ
В ФИЛОСОФИИ КАНТА И ФРЕЙДА©**

Несмотря на кардинальное различие онтологических позиций, субъективный идеализм Канта и субъективный «материализм» Фрейда участвуют в неявном договоре, который с разных сторон, но с системной комплиментарностью уравнивает существо субъекта эпохи модерна. Разность позиций этих теорий в целом сводится к оппозиции идеальной разумной формы и реального психического содержания, которые конкурируют в этом договоре за право определять друг друга. Кант и Фрейд спорят о том, в чём заключен центр балансировки идеальной оценки, спекулятивного концепта и оцениваемого объекта, реальной вещи. Либо этот центр – в имманентности